

«Приехали в Харьков апреле 1944. Электричества нет, воды нет в квартире. Окна все забиты... Газа нет, света нет, отопления тем более нет».

ЛЮДМИЛА КРЮЧКОВА

Людмила Миколаївна Крючкова народилася 30 липня 1932 року у Харкові у родині Миколи та Ніни Крючкових. У 1941 році батько Микола Лазарович працював заступником директора Харківського заводу імені В. Малишева, одного з провідних машинобудівельних заводів того часу. Восени 1941 року завод був евакуйований на Урал, де став головним виробником танків для радянського фронту. Разом із родиною в евакуацію поїхала і Людмила. До Харкова вона повернулася у 1944 році і прожила в місті все подальше життя.

Усну історію з Людмилою Крючковою було записано 15 грудня 2020 року в Харкові, в її квартирі по проспекту Науки. Інтерв'юерка – Гелінада Грінченко, запис зберігається в її приватній колекції.

Уривки з інтерв'ю

... Я родилась в Харькове. Отец родился и проживал в Черниговской губернии. Могу показать дедушку и бабушку. Дедушка мой столяр, делал мебель у хозяина. Бабушка была полячка и её воспитывала мачеха. Ей было 16 лет, когда дедушка её выкрал. От неё мачеха и папа отказались. Она поменяла себе имя – Агафья Денисовна. Родили 5 дочерей и 2 сына. Старший сын – мой папа.

Мама у меня – еврейка. Она родилась в Бессарабии. Дедушка был сапожник, а бабушка хозяйка. Были у них девочки и один мальчик. В 1914 году дедушку призвали как сапожника, а уже в 15м он пришел без ноги и вскоре умер. Он был награждён крестом за то, что спас командира. И за это бабушке с семьёй разрешили переселиться, так как была «черта оседлости» и евреям не разрешали селиться до какой-то области. Ей из-за заслуг дедушки разрешили переселиться в Херсон, и там девочки пошли в гимназию. Раньше в Бессарабии их не было. Потом революция и они переехали в Харьков.

Дальше моя мама познакомилась с папой, который служил в лётной части, и он мечтал быть лётчиком, когда поступал в лётное училище, но его забраковали. Он пошел в институт, а мама моя закончила курсы. В 1930 году он получил назначение на Малышева. Отец, когда пришел на завод Малышева, то у него было экономическое образование. Тогда, в 33м году его избрали партторгом, он был после армии и дисциплинированный. Он работал над собой, учился в институте, интересовался психологией, историей и это кроме того, что он был экономистом. Его даже назначали в Парк Шевченко, а тогда это Профсоюзный сад был, и была там такая сцена. В общем, помост такой. Постоянно были лекции на антирелигиозные, исторические темы. Его туда назначали, и было это всё бесплатно как общественная работа. Через год его избрали партторгом на заводе в 33м, а в 34м были 17й съезд партии и его выбрали от харьковской делегации на съезд делегатом...

[...]

- Расскажите подробнее, то есть ваша семья уехала в эвакуацию?

- Я расскажу, но сначала общее скажу. Переселяли куда? Урал и Сибирь. Пустых домов там не было, уплотняли людей. Отец мой был замдиректора завода. Наш завод Малышева поделили на три. Завод был огромный. Сконструировали на заводе лучший танк Второй мировой войны. Этот танк тоже начали собирать, строить на нашем заводе. Разделили его на три города. И не на пустой завод нас привезли, а на завод тракторостроительный, машиностроительный и размещали: Челябинский, Нижнетагильский, Свердловский. Все вдоль хребта уральского. Дедушка мой остался в Челябинске, а моего отца перевели в Свердловск.

Я перескочила... Нас селили наравне с рабочими. Проспект Краснофлотцев 5, был дом пятиэтажный и в каждой квартире одну комнату освобождали для эвакуированных. Рабочий, зам директора, главный инженер. Независимо от этого. Нас было четверо, я потом расскажу откуда четверо. Мама, папа и я, мамина сестра. Шесть человек и другой замдиректора жил, был дедушка и тётя и было их шесть. Была семья Красновых – мать и трое детей. Мальчишки, а отец на фронте и им больше, а нам меньше комната досталась. Люди эвакуировались с малым набором вещей. Что брали с собой, если ехали на Урал? Брали тёплые вещи, а ценности? Ценностей и не было. Всё что было в квартире, всё осталось. Никто не думал, что будет это четыре года. Разве кто-то брал с собой подушки, перины? Никто не брал, только тёплые вещи. Эвакуировались мы в конце сентября 1941 года. Приезжаем мы туда, хозяева освободили комнату, а там ничего нет, и мы заходим, ставим чемоданы. Ничего нет там.

Развозили на завод, завозили всем одинаковые железные кровати с номерочками. Это собственность завода. Так только в тюрьме или казарме. Такие односпальные, узкие кроватки. На четырёх человек – четыре кровати, но ни матраца, ни простыни у нас не было. Первые дни эта семья, у которой было 3 детей, то принесли нам какие-то одеяла. Папа был на заводе и раз в месяц приходил мыться. Укрывались, выдавали нам матрацы, сколько кроватей столько и матрацев. Была подушка небольшая и тоненькое одеяло. Оно называлось байковым. Зима и 37 градусов, и 40 на улице. У каждого была тёплая одежда и каждую ночь без пальто нельзя было спать. У детей были валенки, как и в Харькове. Значит с собой наверно брали. Стульев до конца у нас не было. И были табуреты, которые делали на заводе. Ведь были самые простые и некрашенные: четыре палки, дощечка. Столы развезли по квартирам. Не было гардин, ковров и речи не было.

Самое главное, чтобы карты были и в квартире и школе. Была на стене карта СССР и отмечалось движение нашей армии на Восток и на Запад. В каждой квартире было радио, чёрное из плотной бумаги от граммофона рупор висел на стене и не выключался, слушали сводку целый день как сдали, сколько убитый и сколько раненых, а потом Сталинград и пошли в наступление.

[...]

Как началась война? Ну в воскресенье – это знают все ровно в 4 часа. Я спала крепким сном, на утро проснулась. Мы по воскресеньям ходили в парк Шевченко, где мороженое обязательно мне покупали, и я этого ждала. Тут проснулась и вижу, что родители на ходу и не по-домашнему. Они взволнованные, а я приставала к ним: «Когда же мы пойдём?» Мама сказала, что сегодня никуда не пойдём.

[...]

Я вам скажу, что мне было 9 лет и я не понимала, что это страшно, что кто-то погибнет. Погибших не видели ещё и не понимали. Харьков бомбили немцы, где заводы. Госпром им

очень нравился, но от него всё отлетало, ибо сплошной железобетон. Вот Дом проектов, где ваш университет, так ему досталось. Поэтому мы не видели этого. Интерес какой-то, но страха не было. Мы не представляли, мой возраст, что это такое. Дети и всё. Все до школы. К 1 сентября пришли к школе №116, нас собрали и повели в 131ю. Мы были на первой смене как младшие классы. Старшие классы были на второй. Младшие все были здесь. Тревога, когда днём, а воздушная тревога бывала не только ночью, но и днём. Нас моментально выстраивали перед школой во главе с учителем и к Госпромму в подвал и там было бомбоубежище высшего класса. Там парикмахерская, куда я сейчас хожу, так огромной глубины подвал и воздуха много и надёжен. Госпром не был разрушен, не смогли. Это были занятия в сентябре. Продолжались бомбёжки, а отец на заводе. Мама дежурила. Мы ничего не понимали, страха не было.

В последние дни сентября был первый эшелон. Ну не 29, а 22 сентября отправился с завода Малышева. Это был состав, что состоял из... вагонов товарных, в которых одна половина вагона – наиболее дорогие и ценные станки, оборудование зашитое и забитое в ящиках, а вторая часть — это нары с людьми, которые семьи и рабочие. Вот нары и одна семья и другая. Два этажа и приставная лестничка.

Дети и те, кто что помоложе – на двух этажах, а те, кто постарше – на первом этаже. Буржуйка стоит общая с трубой. Выдавали на каждый вагон котёл общий, где каждый себе готовил. Чайник большой был, но не могли мы дети его поднять, и самовар. Чайник выдавали, ложки, миски, мешок сухарей. Я не знаю, сушили их либо покупали. В нашем вагоне ехали семья замдиректора, главного инженера. Начальника цеха семья. Мужчин не было. Только женщины, старики, дети.

Интервьюер: Мужчины отдельно ехали?

Рассказчица: Нет. Мужчины все на заводе заняты. Это все руководящие были. В остальных были рабочие с семьями. Ложки, миски, кружки. Выдали сухари, пшено, тушенки, но её мало было. Мы месяц ехали почти – 27 или 28 дней.

У второго замдиректора в семье мальчик старший был, мы однолетки. 7 июня 41го у него родился братик Олег. Братику было 3 месяца и у мамочки кончилось молоко. Все составы эвакуационные нигде не останавливались на ЖД станциях, так как станции все бомбили. Всегда и до или после, ни магазинов ничего. Все взрослые плакали, а мы ничего не понимали. Он кричит день и ночь этот Олег, а кормить нечем. Вот эти сухари размачивали в воде. Ни молока, ничего нигде купить. Вот почти месяц – вода и сухари.

[...]

Приехали в Харьков апреле 1944. Электричества нет, воды нет в квартире. Окна все забиты. Двери я не помню, чем забиты. Три комнаты, но ими не пользовались. Кухня большая – два окна, одно фанерой забито. Печка. Вентиляционный канал, труба. Газа нет, света нет, отопления тем более, воды нет. В одном только подъезде, где кочегарка, только там шла вода, и за водой очередь круглые сутки, и стояла я за этой водой. Мама не работала уже. Воду сколько могла пронести в 4 классе – два бидона в двух руках. Так что это был 44й и 45й года.

Отопление не работало, зима холодная и топили буржуйка. Никаких дров, ничего, хоть и завод, но не развозили. Везде валялось... дома разрушенные и во время немцев, и после немцев ломали пустые квартиры – двери, окна. Вот у нас паркет, так он довоенный, но соседями он был выбран, кто-то себе брал. Некоторые дощечки выломаны и люди тащили

на отопления. Я по квартире нет, а вот по стройкам. Мединститут был не достроен, только первый этаж и перекрытия. Там лежали конструкции деревянные и вот туда я лазила. Мы это всё собирали.

Дети были при деле. Война ещё шла, но в 44м собирали и домой таскали. Когда началась школа с сентября, то в школу нужно было принести табуретку. «Начинки» не было. В школе госпиталь опять же, а это освобождённый первый этаж жилого дома, и окна забиты фанерой, и только в каком-то уже классе было застеклено. Помещение пусто и ни парт, ни столов. Несёшь с собой. На несколько человек приносить, находить или покупать какой-нибудь стол. У нас было в классе ни то три стола узких, простой узенький стол. Учеников сначала мало, но потом увеличивалось. Стояла буржуйка по среди класса и выведена в окно. Каждый, кто приходил, то собирали топливо: дощечка, деревяшечка, и чтобы можно было сложить в угол класса. Света тоже не было. Каганец называлось – это железная баночка от консервов или игрушки какой-то. Туда наливали, а выдавали переработанное мало от машин, и туда наливали это масло такое чёрное. Там палочка или что же там было... Верёвка или кусок бинта, и зажигалось. Сначала у нас было два стола и так занимались. Мы старались, задача учиться. Мы все довольно хорошо учились...

С 1944 года каждый день после занятий нас выстраивал или военрук или пионервожатая и строем шли на определённый объект. Нам был поручен Дом проектов...

- Разбирать?

- Мы не разбирали, так как мы 4й класс. Разбирали старшие и бросали вниз. Мы внизу собирали обломки, клали на носилки – четыре ручки складывали, на подводу вываливали. Но силы пока не позволяли. Заполним, а перевернуть не можем. Вывернуть выше своего роста не могли. Так кричали, но всё равно должны были три часа отработать. Это был приказ Сталина, что дети наравне со взрослыми, и обвинялись как взрослые за измену Родине. Вот где сейчас «Научная» шел огромный яр с Ключковской и до парка. Туда это всё и... но не вываливали. Старшие там переворачивали. У нас был объект Дом проектов. Мы всё это должны были убрать для продолжения строительства мединститута, и госпиталь был на нас. Также мыли, и письма писали там. Мы перешли в другую категорию. Летом, когда каникулы, а каникул не было у нас... Кто-то на сборке и возил нас на Павлово Поле, где за Саржиным Яром натуральное поле. Пололи, но не попадали в этот период. Мы таскали...не бураки, ну вы поняли. Короче, выдёргивали и потом кукурузу убирали и возили нас туда. Наш класс попадал ближе к Лозовенькам. Шла дорога грунтовая, поля и распределяли где какой класс и так работали всё лето, и не было каникул. Грузовые машины, подводы и кто куда успеет сесть.

- То есть ни одного месяца не было...

- Нет. Вот это все дети и школьники работали. Не было рабочих рук. Сколько погибло и раненых. Не было рабочих рук. Сколько нужно было восстанавливать...